

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА КАК ЛЕКАРСТВО ОТ УНЫНИЯ

ОЛЬГА ФЕТИСЕНКО

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), зам. главного редактора Полного собрания сочинений К. Н. Леонтьева, соредактор серии «Христианство и русская литература».

Константин Леонтьев не искал участи «одинокого мыслителя», каким его принято видеть. Не оставив равнодушного последователя¹, он не был лишен преданно внимающих слушателей, стремившихся (как видно по сохранившимся письмам сослуживцев-дипломатов, столичных и провинциальных знакомых) не терять связи с обретенным собеседником, а для кого-то и наставником. Леонтьев имел огромное влияние на тех людей, что готовы были слушать его долго. (А он полагал подходящим сроком, чтобы достаточно выговориться и встретить понимание, этак недели две, а лучше месяц спокойных ежевечерних бесед.) Но лишь в последнее десятилетие своей жизни Леонтьев всерьез задумался о необходимости прямого воплощения своих «педагогических» идей. На вечерах профессора П. Е. Астафьева он встречает будущих адептов учения о «новой восточной культуре», которое Леонтьев назвал «гептастилизмом» (семистолпием, по образу семистолпного «дома» Премудрости Божией).

Кружок гептастилистов составили старшеступенчатые Катковского лицея Иван Кристи (1861–1894), Анатолий Александров (1860–1931), Яков Денисов (1861–1919) и другие². Одним из послед-

них, введенный Александровым, присоединился к ним Николай Алексеевич Уманов (1864 — не ранее 1914), сын небогатой пензенской помещицы, рано потерявший отца, и единственный в кружке на тот момент не лицеист, а выпускник гимназии (вероятно, пензенской). В Московском университете он поступил на юридический факультет, который кончил кандидатом в 1888 г.; увлекался политической экономией, после знакомства с Астафьевым «принялся за философию», а затем обратился к государственному праву и кандидатское сочинение «о древнейшей форме общественного быта славяноруссов» (с. 594) подал П. Н. Мрочек-Дрозовскому.

О своем умственном взрослении Уманов говорил Леонтьеву так: «...думать я начал за Катковскими статьями и давно уже понял, что только в них и была истина. Ваш “Византизм и Славянство”,

а потом книга Данилевского только укрепили меня в этом сознании. К Либерализму всегда питал отвращение, сначала бессознательное, потом сознательное.— Аксаковское Славянофильство кажется бредом возвышенной, благородной души» (с. 588).

Уманов сотрудничал в «Русском деле»³ и изредка в «Московских ведомостях» (везде под псевдо-

ЛЕОНТЬЕВ ИМЕЛ ОГРОМНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ТЕХ ЛЮДЕЙ, ЧТО ГОТОВЫ БЫЛИ СЛУШАТЬ ЕГО ДОЛГО

¹ Розанова к ним не отнесешь — по его собственному своеобразию.

² Очерк о каждом из них см. в моей книге «Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики» (СПб., 2012). Далее ссылки на нее даются в тексте.

³ Газета, которую издавал с весны 1886 г. С. Ф. Шаранов, объявивший свое издание преемственным по отношению к аксаковской «Руси».

ними), для «Санкт-Петербургских ведомостей» вместе с Я. А. Денисовым под коллективным псевдонимом «П. Волженский» написал статью (скорее реферат) о книге Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» («Еще русский мыслитель»). В столице статья была отвергнута, ее передали в «Русское дело», где она тоже прошла без препон⁴.

В подготовке статьи принял участие Леонтьев, поэтому так важны прозвучавшие здесь формулировки его «положительной программы»: «...пессимизм для всего человечества <...> в смысле отрицания возможности как личного счастья на земле, так и социального, окончательного, всеобщего благоустройства; с другой, — оптимизм исторический, временный, для более или менее ближайшего будущего России, в смысле религиозном, политическом, культурном <...> разнообразное и своеобразное развитие, а не благоденствие» (с. 590).

Есть у Уманова и более самостоятельная работа, продолжающая тему статьи Леонтьева «Как надо понимать сближение с народом?» (1880) и носящая сходное название — «О сближении с народом»⁵. В ней выражалась надежда, что «Россия создаст собственную культуру, краеугольные камни которой положены уже давно». «На этих камнях можно воздвигнуть такое здание, которое затмит своею красотой все до сих пор созданные...» (с. 592)

«Юноша быстрый и живой» — так рекомендовал Леонтьев Уманова одному из своих друзей⁶. Вопреки этой характеристике подопечный оказался подвержен унынию. Ему присущи недуги модного «гамлетизма» восьмидесятников: нерешительность, мнительность, «чувство самонедовольства» (выражение из письма к Леонтьеву от 4 апреля 1888 г.; с. 586).

Возможно, если бы продолжалось тесное личное общение с наставником, всё это было бы преодолено. Но оставалось лишь сетовать: «С отъездом Вашим из Москвы у меня нет уже более никого, кто бы взялся за дело моего обучения так охотно, как это сделали Вы» (там же). Первое время после переезда Леонтьева в Оптину пустынь Уманов старался писать ему как можно чаще, и случилось так, что именно он эпистолярно познакомил Константина Николаевича с Осипом Фуделем, своим университетским приятелем, с которым вместе сотрудничал у Шарапова.

Подобно Александрову и Денисову, Уманов мечтал остаться при университете, это не удалось. Осенью 1887 г., В. А. Грингмут приглашал Уманова в секретари редакции «Московских ведомостей», но вскоре «что-то замолчал о секретарстве» (с. 594). Уманов уехал в деревню заканчивать кандидатское сочинение, а потом вернулся в Москву сдавать экзамены. Здесь работы не нашлось, да и в родных краях не открывалось особых перспектив.

4 «Русское дело», 1887. 5–26 дек. № 19–21/22.

5 «Русское дело», 1887. 13 июня. № 11. С. 3.

6 Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 458.

Пришлось поступить в Окружной суд кандидатом на судебные должности. «...Не очень-то дорого нас там ценят, — писал он Фуделю. — Кандидаты, говорят, не получают ни гроша, если не находятся в командировках. <...> Но эти командировки бывают <...> очень редко» (с. 594). В дальнейшем карьере вредило сотрудничество в московских газетах: в провинции легко прослыть опасным (того и гляди ославит на всю Россию), и Уманов не продвинулся выше должности судебного следователя Инсарского уезда.

В Пензе он хандрит и злится «на все, что <...> на глазах и за глазами» (там же)⁷. Его раздражает, что самый частый вопрос, который он слышит: «Отчего вы не танцуете?», а в единственном журнале, выписываемом Окружным судом (это был «Вестник Европы»), разрезанным оказывается «только первый роман» (с. 595). Даже уездная глушь раздражает его меньше, чем губернские претензии⁸. Он завидует осевшим в Москве Александрову и Фуделю (последний, впрочем, скоро переедет в Белосток), и в одном из писем вырываются слова: «Карточка наша висит у меня перед глазами и ужасно злит меня. Хочу спрятать. Реже будешь вспоминать о Вас и о Москве, спокойнее будешь и Пензой довольнее» (с. 595).

От тоски Уманов готов выучиться играть в винт, но берет себя в руки — завершает кандидатскую работу, обдумывает замыслы статей, в том числе о Леонтьеве и о национальном вопросе, желая разобратся: «Где же границы этой старины, к которым нам следует попятиться?» (с. 596), и приходит к выводу: «Не *возвращение* старины нам нужно, а *сохранение* лишь тех основ русской жизни, которые созданы нашей историей. Основ этих три: православие, самодержавие и народность» (с. 597).

Подобно другим ученикам, Уманов в письмах поверял Леонтьеву свои скорби, советовался, почти исповедался ему. В письмах из Москвы он рассказывал об университете, соседе по квартире, о студенческих волнениях. Между прочим, именно он своим письмом от 17–18 февраля 1888 г. подвигнул Леонтьева на статью «Владимир Соловьев против Данилевского» и сам пытался побороться с Владимиром Сергеевичем.

Требующий особого попечения о себе «унывающий россиянин» является адресатом известного «учительного послания» Леонтьева (март

1888), которое позже было издано Фуделем как статья «О вере, молитве, о немощах духовенства и о самом себе»⁹ (конечно, без указания адресата, оставшегося неизвестным и многим современным «републикаторам»).

В декабре 1888 г. Уманов надолго прервал переписку с Леонтьевым, а потом, как это обычно случается, не решался напоминать о себе. Летом следующего года Леонтьев сам сделал первый шаг — послал через Александрова свои новые статьи и изданную Ив. Кристи брошюру о национальной политике. Уманов был тронут: «Вы не можете себе представить, как мало ждал я их и как был рад узнать, что Вы не рассердились на меня...» (с. 598). Но в следующий раз он написал только в октябре, после чего оборвалась переписка не только с Леонтьевым, но и с Александровым и Фуделем.

Через много лет, в 1914 г. последний обратился к нему с просьбой прислать письма Леонтьева для издания в готовящемся собрании сочинений. Уманов согласился и разрешил предварительно опубликовать послание, упомянутое выше. Остальные письма в печати не появились, поскольку собрание было прервано, и, хотя Уманов просил прислать автографы Леонтьева назад, они остались в архиве Фуделя, составившем основу фонда Леонтьева в РГАЛИ.

Известно 24 письма Уманова к Леонтьеву (1887–1889) и 12 ответных. Представленные ниже четыре письма Леонтьева, завершившие их переписку, печатаются по автографам, хранящимся в РГАЛИ (ф. 290, оп. 2, ед. хр. 43). Одно из них целиком, а три во фрагментах (и все — с неточностями практически без пояснений) впервые были опубликованы в сборнике «Избранных писем» Леонтьева (СПб., 1993). Читателю предлагается полный выверенный текст, сопровождаемый примечаниями, в которых, в частности, приводятся отрывки из ответных писем, что помогает более глубоко представить себе диалог учителя с одним из своих самых «трудных» учеников. Леонтьев понимал, что уже никогда не увидится с Умановым, и дал ему несколько важных советов, которые должны были укрепить его на всю жизнь. Тем интереснее перечитать эти письма и нам.

⁷ Письмо к Александрову от 1 марта 1889 г.

⁸ «...Пензенские пошляки только тем и счастливы, что считают себя за интеллигенцию» (17 окт. 1888 г.; Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 268; далее сокращенно ГЛМ).

⁹ Богословский вестник. 1914. Т. 1, № 3. С. 225–237.